

УДК 316.422.6

КАЧЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ В РОССИИ

Тюриков Александр Георгиевич, д-р соц. наук, профессор, руководитель Департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия
agtyurikov@fa.ru

Статья посвящена анализу эффективности реализуемых социальных инноваций и реформ в стране. Цель работы – раскрыть взаимосвязь социальных преобразований и человеческого капитала в условиях постоянного реформирования России. Выявлено, что современные преобразования государства, общества и экономики являются в силу ряда объективных условий неэффективными и не способствуют устойчивому и поступательному развитию страны. Систематизированы причины такой «пробуксовки» в достижении поставленных целей. Обоснована роль включения человеческого и социального капиталов в стратегические и тактические замыслы социально-экономических преобразований в России.

Ключевые слова: социальная эффективность реформ; социальные инновации; человеческий капитал; потенциал.

The Quality of Human Capital and Social Innovation Prospects in Russia

Tyurikov Alexander G., ScD (Sociology), full professor, Head of the Sociology Department, Financial University, Moscow, Russia
agtyurikov@fa.ru

The paper analyzes the effectiveness of social innovations and reforms implemented in the country. The purpose of the work was to reveal the interrelationship between social transformations and the human capital under the conditions of permanent reformation of Russia. It has been found that due to a number of objective conditions modern reforms of the state, society and economy are not effective and do not contribute to the sustainable and progressive development of the country. The reasons for losing momentum in achieving the goals set are classified. The role of the human and social capital involved in strategic and tactical plans of social and economic transformations in Russia is grounded.

Keywords: social effectiveness of reforms; social innovations; human capital; potential.

Актуальное состояние российского общества

Можно выдвинуть предположение, что российское государство и общество в настоящий момент находятся в неустойчивом и противоречивом состоянии. С одной стороны, мировая конкуренция кристаллизует в настоящее время реальную потребность в новой социально-инновационной модели российского общества, которое существует в новой социо-экономической среде – креативной экономике и экономике знаний, инноваций. С другой стороны, российское общество приобрело иммунитет к преобра-

зованиям, инновациям, реформам любого вида и предназначения.

Российскому обществу предлагается а режиме нон-стоп одна экономическая программа за другой. Результативность (то как достигнуты поставленные цели) и социальная эффективность (то, какой социальный эффект для населения, социальные выгоды и пользу принесла реформа) проводимых реформ крайне низки: от 40% — Грефовская реформа, до 20% — реформа полиции. Так, по данным Центра стратегических разработок «Стратегия-2010» была выполнена лишь на 39%, «Стратегия-2020» — только на 29,5%, степень реализации «Национальных

проектов» — менее 30% [1]. Еще более низка эффективность национальных проектов и сопутствующих им преобразований, проводившихся в нашей стране в период до 2008 г.: около половины проектов оценены как «неуспешные», еще треть получила оценку как «скорее неуспешные» и лишь оставшиеся были оценены как «скорее успешные» [2, с. 87].

Но сколько же сил и ресурсов затрачивается на их разработку? Эксперты признают, что наибольшие усилия тратятся на пиар-эффекты. Все это приводит к ряду противоречий и проблем:

- не успела закончиться одна реформа, а уже разработана другая, итоги реформы не анализируются, допущенные ошибки повторяются в новой реформе при одних тех же исполнителях;
- на разработку, экспертизу, обсуждение, разработку, согласование и запуск реформы тратится больше времени, как правило, чем планировалось. И получается — разрабатывается реформа при анализе одних внешних и внутренних условий, а реализуется она в уже изменившихся реалиях, которые чаще всего не предусматриваются;
- сложилась устойчивая практика учитывать линейность событий «реформа — запланированный результат», а жизнь гораздо сложнее, динамичнее, связи нелинейные. Такой упрощенный взгляд на моделирование процессов и результатов реформ не учитывает большое количество «сущных мелочей»;
- любая реформа — это инновация, это предложение нового взамен традиционному, устоявшемуся положению вещей, поэтому инновация всегда встречает сопротивление со стороны бюрократии, элит, населения.

Вот и 2017 г. ознаменовался очередной волной интеллектуальных дискуссий по поводу разработанных и представленных, в полном и неполном форматах, на МЭФ и ПЭФ экономических программ развития России. Более того, в обществе уже говорится о том, что руководство страны задумывает новую инновацию в виде цифровой экономики. Если не брать во внимание тот факт, что к очередным выборам обществу презентуются очередные программы-новации, то целесообразно провести анализ эффективности уже запущенных реформ.

Во-первых, эффективность любой реформы увеличится в разы, если бы властные структуры могли объяснить населению ее суть и включить ее в процесс изменений. Речь идет о социальном капитале — доверии и солидарности в обществе по поводу цели, ресурсов, рисков, процедур и результата реформ. Необходимы консенсус в обществе и атмосфера солидарной ответственности за достижение цели и всех видов рисков.

Во-вторых, «узким местом» в реализации реформ является то, что они продумываются узким кругом специалистов, как правило, технократами, а реализуются силами бюрократического аппарата власти. При этом в расчет не берутся обстоятельства, связанные с общественным запросом на реформы. Но не ясно, созрело ли общество до реформ. Есть ли общественный, гражданский, элитный, экспертный запрос на реформы? Это вопрос для технократов не находится в фокусе их контроля. Согласно данным последнего мониторингового исследования Института социологии РАН в 2017 г. в рамках проекта «Российское общество в условиях кризисной реальности» лагерь сторонников реформ увеличился с 30% (2014 г.) до 44% (2017 г.), а число сторонников стабильности снизилось с 70 до 56% [3]. Прогноз социологов не утешает: спокойных и довольных в обществе все меньше, а усталости от нерешенных проблем все больше, и социальная напряженность растет.

В-третьих, отсутствие серьезного всестороннего анализа плюсов и минусов уже реализованных или реализуемых реформ. Более того, у нас сложилась порочная практика, когда реформы идут внахлест, т.е. реализуемая реформа по срокам и достижению цели не завершена, а уже стартует по этой проблематике новая реформа без анализа допущенных ошибок.

В-четвертых, российскому обществу уже длительное время не предлагается реальная стратегия развития, т.е. образ желаемого будущего. Без генерации новых идей, создания открытых площадок для дискуссий о будущем российского общества реформы в современном обществе не осуществятся.

И в-пятых, в реализации реформ принципиально важны роль и позиция первого лица государства. Здесь как никогда актуальна цитата Уинстона Черчилля: «Отличие государственного деятеля от политика в том, что политик ориентируется на

следующие выборы, а государственный деятель — на следующее поколение».

Поэтому социальные реформы можно смело отнести к социальным инновациям и «потрясениям», которые объективно обладают рядом характеристик и свойств. К ним целесообразно отнести:

- обострение имеющихся и появление новых социальных проблем и противоречий;
- усиление социальной напряженности и увеличение конфликтов различного вида и уровня;
- рост консервативного «сопротивления» изменениям;
- нарушение устоявшегося баланса сил и интересов (федеральных, ведомственных, региональных, локальных и групповых);
- разрушение сложившихся норм и стереотипов и зарождение неопределенного нового через практики реализации новаций;
- неопределенность социально-экономических и политических рисков и последствий и др.

Таким образом, любая социальная реформа подвержена социальным рисками неопределенностям, что, в свою очередь, предполагает кардинально иное качество человеческого капитала, управления и координации.

В течение как минимум двух последних десятилетий руководство страны рисует населению страны одну и ту же картину желаемого будущего — в результате многочисленных реформ и преобразований Россия должна превратиться в высокоразвитое в экономическом отношении государство. При этом явно или неявно подразумевается, что далее чуть ли не автоматически произойдет резкий рост качества жизни российского социума. Вместе с тем реальные достижения на этом пути весьма скромны, и к тому же в последние кризисные годы они имеют явную тенденцию к уменьшению — достаточно сравнить обозначавшиеся в посланиях Президента РФ цели и степень их реализации от прошлого ко дню сегодняшнему. Сегодня, несмотря на почти два десятилетия «вставания с колен», Россия представляет в экономическом отношении менее 2% мировой экономики, что опровергает все утверждения о ее «величии» в мировом масштабе [4]. Но даже это не самое неприятное для всех нас в нынешней ситуации.

В технологическом отношении, определяющем цивилизационный, культурный и социальный

прогресс государства, ситуация выглядит еще хуже. Данная «противником России», американским сенатором Маккейном, оценка Российской Федерации как страны-«бензоколонки» хотя и является крайне резкой в своем эмоциональном негативизме, но, к сожалению, она недалека от истины по своей сути — инновационно-технологическая импортозависимость Российской Федерации опасно высока и пока не имеет выраженной тенденции к уменьшению. Что касается внедрения передовых технологий, любое лицо может задаться вопросом о том, сколько передовых высокотехнологичных изделий-новинок производится (или хотя бы разработано) в нашей стране в последние годы, и также легко дать на него ответ.

Косвенным, но очень наглядным свидетельством низкой эффективности проводимых в России преобразований становится усиливающееся пропагандистское воздействие на население в СМИ, в котором наша страна — «великая», «первая в мире по территории», «наследница сверхдержавы» с громадным ядерным потенциалом и т. п., все более предстает окруженной кольцом врагов, вводящих против нее санкции и желающих чуть ли не нанести по ней ядерный удар. Тем самым подразумевается, что реального улучшения положения дел в социально-экономической сфере не происходит исключительно в силу причин внешнего характера, но никак не из-за неэффективных технологий в управлении государством и регулированием экономикой.

В данной статье коснемся лишь некоторых вопросов из жизни российского социума, решение которых позволит понять, не придется ли вскоре вновь, фактически с «чистого листа», заниматься реформированием страны, чтобы достичь реальных успехов в повышении уровня жизни населения и в целом — качества жизни людей.

Капитализация человеческого капитала

Сегодня в научном мире ведется много дискуссий о социальных инновациях, изменивших в прошлом и меняющих мир, под которыми понимаются новые концепции, стратегии и цели, изменяющие общество и общественные отношения от условий труда и образования до здравоохранения. Это могут быть как значительные мероприятия и технологии, сопоставимые по своим масштабам с серьезными реформами, так и част-

ные техники, позволяющие решать конкретные социально-экономические проблемы отдельных групп населения на местном или локальном уровне. Однако перед использованием любых социальных инноваций, как нам представляется, необходимо проанализировать российскую «почву», на которой их предлагается внедрять, и понять, что предполагается задействовать.

В первую очередь, если применить социально-экономическую терминологию, следует сделать все, чтобы максимально включить в работу человеческий капитал, так как именно он — один из важнейших ресурсов, который сегодня не находит в России должного применения, тогда как все прочие, финансовые и материальные уже вроде бы капитализированы полностью.

Но не происходит ли здесь весьма опасной в методологическом отношении подмены? Ведь капитал — это только то, что можно инвестировать. Но можно ли инвестировать в экономическую среду российского социума сегодня такие его качества, как атомизация и аморфность общества, полностью лишаящие многих жителей страны возможности к самоорганизации для реализации и защиты своих интересов [5, с. 14]? И здесь очень важна цепочка: человеческий потенциал — человеческий капитал, подразумевающий совокупность качеств человека, реализующихся в деятельности способностей и возможностей, уровень развития которых способствует продуктивности жизнедеятельности общества [6]. Качество человеческого потенциала — это мера его развития, отвечающая потребностям общества и личности. Человеческий потенциал не возникает стихийно, он целенаправленно формируется и является результатом сознательно создаваемого и постоянно развивающегося ресурса гармонизации человеческих отношений.

Примером капитализации человеческого потенциала является ситуация «общественного сопротивления» столичной реформе реноваций. Здесь наглядно продемонстрирована тенденция перерастания атомизации местных сообществ в начинающуюся реальную самоорганизацию жителей — в ответ на объявление свидетельств о праве частной собственности на их квартиры «ничего не значащими» «бумажками», т.е. вроде бы стремление власти лишить населения этого фундаментального права. Потенциал местного сообщества был капитализирован в существен-

ные изменения позиции властей. И это, безусловно, лишь начальная стадия процесса, притом на микроуровне, т.е. уровне, затрагивающем самую насущную составляющую жизни человека — его жилье как зачастую единственную принадлежащую ему собственность.

Так что являемся ли мы в данном случае свидетелями начавшегося преодоления атомизации общества или это лишь случайный и частный эпизод? Ведь характерно, что за несколько месяцев до этого была проведена в Москве «ночь длинных ковшей», в ходе которой были по желанию местных властей и в интересах крупного бизнеса, стоящего за ними, снесены многие объекты, принадлежавшие малому бизнесу. При этом данные шаги властей не стали причиной противодействия со стороны широких слоев населения, как не вызвала она у него и особого удивления — народ привык к полной независимости власти от его «волеизъявления», и даже явное ее самодурство, не говоря уже о простом игнорировании закона, воспринимается как норма жизни!

И здесь мы сталкиваемся со вторым параметром российского «человеческого капитала», который также не получится инвестировать в социальные инновации — отсутствием доверия населения к основным институтам государственной власти в нашей стране. Так, согласно данным Левада-центра, в сентябре 2016 г. рейтинг доверия Правительству РФ составлял 26%, а степень доверия к Государственной Думе — 22%. Это тревожный признак — ведь двум государственным органам, от которых через принятие нормативно-правовых актов, определяющих жизнедеятельность человека и гражданина, и через руководство их исполнением зависит каждый житель России, доверяет лишь один из 4–5 человек. Причины этого общеизвестны и кроются еще в начальном периоде реформ, поэтому недоверие возникает почти на подсознательном уровне, поскольку весь социальный опыт населения нашей страны свидетельствует в пользу того, что власть не учитывала, не учитывает и не будет учитывать его интересы.

Осознанно или нет, но в силу специфики сложившихся в современной России политических реалий российская политическая сфера предельно персонифицирована, и руководству страны в силу своего авторитета пока удается эффективно и эффективно компенсировать недовольство насе-

ления такого рода. Будет ли это обстоятельство срабатывать далее, в условиях продолжающегося кризиса — сказать невозможно.

Инвестирование человеческого капитала в социальные инвестиции

Можно ли инвестировать в социальные инновации третью составляющую нашего «человеческого потенциала и капитала», такую как полную разбалансированность ценностно-нормативной системы координат, потерю в общественном сознании цели своей деятельности и веры в способность жителей нашей страны осуществлять что-то значительное в социальном плане? А ведь это тотальное недоверие мы наблюдаем сегодня. Но без работающей системы моральных ограничений невозможно осуществлять социальные преобразования.

Здесь вновь следует обратиться к результатам исследования, приведенного нами выше, — сложившаяся сегодня ситуация стала следствием целенаправленного формирования ценностей потребительского общества как единственной альтернативы декларируемого (и отчасти реально реализованного) общества социальной справедливости.

Связано с предыдущим и еще одно качество, практически полностью определяющее основную мотивацию поведения человека в нашей стране, своего рода «героя нашего времени» — у него доминирует стремление получить выгоду для себя лично, даже если при этом будет нанесен прямой ущерб другим людям, не говоря уже об общественных или государственных интересах. Такое поведение можно обозначить как социально-эгоистичное. Это касается в первую очередь конкретно и «узко» понимаемого собственного материального интереса, когда человек предпочитает не задумываться о своих перспективах, например своем благосостоянии по достижении пенсионного возраста — так, в наши дни в Российской Федерации около 30 млн человек без особых угрызений совести трудятся в «теневом» секторе экономики, не выплачивая никаких налогов. Более того, почти каждый третий работающий из числа жителей нашей страны полагает, что он может увеличить свой доход лишь одним способом — прямо нарушая закон (как нетрудно заметить, имеет место откровенный правовой

нигилизм значительной части населения), а около 2/3 населения прямо или косвенно минимум раз в месяц включены в неофициальный оборот денежных средств [7].

Едва ли не главным «тормозящим» социальные инновации качеством является «врожденный» патернализм большинства жителей России — государство «должно» обеспечить им соответствующее качество жизни, тогда как личную ответственность за собственное социальное благополучие они фактически отрицают. В итоге можно наблюдать отсутствие широкой предпринимательской инициативы в нашей стране. По этому показателю Россия качественно отстает не только от Западной Европы, но даже и от стран БРИКС. Как следствие, в Российской Федерации наблюдается «скудно потребительская» модель потребления — если предприниматели для удовлетворения своих материальных потребностей стремятся эффективнее вести бизнес и больше зарабатывать, то обычные люди ставят своей целью экономить. Такая модель потребительского поведения характерна для бедного человека, что неудивительно, — по данным Росстата, бедных в нашей стране более 22,7 млн чел. Именно столько россиян имеют доход ниже прожиточного минимума, и это при том, что сам этот уровень предельно низок.

Вместе с тем нельзя не заметить позитивные ростки формирующейся инновационной культуры. Целый ряд ученых и производителей уже «творят» в шестом технологическом укладе, который строится на аддитивных технологиях. Сегодня аддитивные технологии находят широкое применение в развитых странах мира, повышая производительность до 30 раз. Крайне критическую важность имеет потребность культивации в российском обществе здоровой моды на получение и применение знаний, моды на свободное творчество. Креативное мышление должно прийти на смену сформировавшейся потребительской ментальности во всех сферах жизнедеятельности.

Выводы

Подведя итог нашего анализа, следует признать, что особого социального оптимизма рассмотренная нами ситуация не вызывает. Имеющийся на сегодня в России человеческий капитал вряд ли может способствовать устойчивому инноваци-

онному развитию нашей страны и ее экономики в будущем, по крайней мере, в сегодняшних условиях. Его влияние на этот процесс можно скорее обозначить как неблагоприятное. Однако следует также понимать, что всем нам придется иметь дело только с ним — другого в ближайшие годы и даже десятилетия, за редким исключением, не будет.

Но есть и позитив. Любой капитал, в том числе и человеческий, пока он не инвестирован, являет-

ся лишь потенциалом, и в данном случае — человеческим потенциалом. И задействовать можно любой потенциал, но в таком случае необходимо найти адекватные его качеству и уровню условия и параметры. Важно понимание того обстоятельства, что современные технологические инновации (цифровые, производственные, информационные и др.) внедряются достаточно быстро и успешно, а вот социальные инновации «прорастают» с трудом.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦСР нашел причины провала прежних стратегий России. URL: [http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/12/27/671369\\$](http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/12/27/671369$).
2. Тюриков А.Г., Тюриков Р.А. О критериях оценки эффективности государственного и муниципального управления // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. ИНИОН РАН. М., 2014. С. 85–89.
3. Российское общество в условиях кризисной реальности. URL: <http://www.isras.ru/> (дата обращения: 04.07.2017).
4. Сайт РБК. URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2017/06/06/59350c929a794785c11cd457> (дата обращения: 10.06.2017).
5. Третьякова Л.А., Тюриков А.Г. и др. Трансформация социально-экономических подсистем гражданского общества как инструмент устойчивого регионального развития: монография / под общ. ред. Л.А. Третьяковой и Т.В. Целютиной. Ульяновск: Зебра, 2016. С. 14.
6. Саксельцев И.Г. Человеческий потенциал современного российского общества (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2006.
7. Тень зарплаты. URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2016/10/26/580f55949a7947af189b451b> (дата обращения: 11.06.2017).

REFERENCES

1. The CSR found the reasons for the failure of the previous strategy of Russia. [CSR nashel prichiny provala prezhnih strategij Rossii]. Available at: [http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/12/27/671369\\$](http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/12/27/671369$).
2. Tyurikov A. G., Tyurikov R. A. On the criteria for evaluating the effectiveness of state and municipal management [O kriteriyah ocenki ehffektivnosti gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya]. *Rossija: tendencii i perspektivy razvitij — Russia: tendencies and prospects of development* Ezhegodnik. INION RAN. Moscow, 2014, pp. 85–89.
3. Russian society is in a crisis of reality [Rossijskoe obshchestvo v usloviyah krizisnoj real'nosti]. Available at: <http://www.isras.ru/> (accessed: 04.07.2017).
4. Sajt RBK. Available at: <http://www.rbc.ru/newspaper/2017/06/06/59350c929a794785c11cd457> (accessed: 10.06.2017).
5. Tret'yakova L. A., Tyurikov A. G. i dr. The transformation of the socio-economic subsystems of civil society as a tool for sustainable regional development: monograph [Transformaciya social'no-ehkonomicheskikh podsystem grazhdanskogo obshchestva kak instrument ustojchivogo regional'nogo razvitiya: monografiya] / under the General editorship L. A. Tret'yakovoj i T. V. Celyutinoj. Ul'yansovsk, Zebra, 2016, pp. 14.
6. Saksel'cev I. G. Human potential of the modern Russian society (the sociological analysis): author's abstract. thesis sociological. kand. SOC. Sciences [Chelovecheskij potencial sovremennogo rossijskogo obshchestva (sociologicheskij analiz)]. Saratov, 2006.
7. Shadow wages [Ten' zarplaty]. Available at: <http://www.rbc.ru/newspaper/2016/10/26/580f55949a7947af189b451b> (accessed: 11.06.2017).